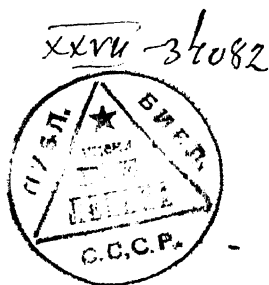

R 13-
241

КАСТРЕН — ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ПАЛЕОАЗИАТОВ

ТВОРЧЕСКИЙ гений Кастрена сказался наиболее вы-
пукло в изучении той части сибирских племен, которая
стоит в стороне от главной массы так называемых урало-
алтайских племен и которой со второй половины XIX века
этнографы дают какое-то сборное имя палеоазиатов —
древне-азиатов.¹

Первая часть этого названия относится скорее к перво-
бытности этих племен, которая их отличает даже от само-
едов, остяков и тунгусов. Первобытные, — значит, и древние.

Я предложил в другом месте назвать эти племена пра-
азиатами.

Кастрен соприкасался только с уединенной западной
группой этих племен, енисейско-кетской. Он набрел на них
почти случайно, привлекаемый названием и ожидая найти
настоящих угро-остяков, и лишь постепенно убедился, что
это язык совершенно другого типа, с префиксами и инфи-
ксами вместо суффиксов и с таким изменением звуков в кор-
нях, какие с трудом поддаются научному определению.
Вначале Кастрен пишет об этом языке:

„В сущности этот язык бедный и легко поддающийся
изучению“ (II, 287).

¹ Название это впервые предложено Шренком, Об инородцах
Амурского края. Изд. Академии Наук. СПб. 1883, стр. 256—257.

Но очень скоро он дает о нем другое заключение:

„Самый капризный из всех языков“ (II, 281).

Кастрен отдавал этому языку только остатки своего научного внимания и сделав набросок его грамматического строя, радостно замечает, что теперь ему остается больше времени для изучения его основного задания — говоров самоедского языка (II, 292).

И тем не менее в этом беглом наброске, составляющем однако том в 261 стр. с словарным материалом в несколько тысяч слов по коттскому и двум диалектам енисейско-остяцкого языка, — Кастрен сохранил нам драгоценную память коттского языка, ныне, очевидно, исчезнувшего. Я говорю без полной уверенности, так как вообще наши сведения об этой племенной группе, и в частности об ее несомненно существующей отрасли — енисейских остяках — остаются до сих пор столь же неопределенными, как во времена Кастрена.

Во-первых, что касается самого имени, уже Кастрен сразу увидел, что они не имеют общего с настоящими остяками. Тем не менее это имя остается в официальном и научном употреблении, вплоть до настоящего времени, изредка перемежаясь с более простым обозначением: „енисейцы“ (предложенным еще Клапротом).

Сами себя они называют *ket* — человек, что между прочим, приводит на память близко им родственных коттов.

Можно было бы назвать их кеты. Но множественно число от *ket* „человек“ будет *deŋ* люди.

Это *deŋ* напоминает известных „динлинов“, „ди“ из разных китайских летописей с рыжими волосами и голубыми глазами. По китайским источникам динлины обитали в восточном Китае и южной Сибири. Динлинов многие совре-

менные ученые сближают то с белой расой, то с енисейскими осятками; с особенным упорством стараются отыскивать к северу от Алтая и Саянов остатки исчезнувшей белокурой расы.

Я высказал в другом месте свое мнение по этому предмету.¹ О белой расе говорить не приходится, но среди енисейских осятков, в общем черноглазых и черноволосых, попадаетея определенный процент сероглазых и русоволосых.

Оставляя в стороне динлинов, я предлагаю в дальнейшем называть енисейских осятков кетами.

Столь же неопределенны наши данные о численности кетов. Так, по данным В. Анучина, относящимся к его поездке 1905 г., кеты вымирают, и в двух управах, верхне-инбацкой и подкаменно-тунгусской, числится 144 ясачных души. Из них он видел до 100 ясачных душ — 76 семей. По приблизительному расчету это составляет для обеих управ 106 семей.

Мы не имеем данных о численности членов семьи. Имеем только указание на большую детскую смертность. И в конце концов не можем сказать, сколько людей заключают эти 106 семей.

Помимо этих двух управ, Анучин говорит об осятках ниже-инбацких и сымских, известных нам также из Кастрена, об елогуйских осятках и о северных енисейских осятках, обитающих в районе Туруханска по реке Курейке

---

¹ Древние переселения народов в северной Евразии и в Америке. Сборник МАЭ, том VI, 1927. То же в докладе *Paleoasiatic tribes of Southern Siberia*, прочитанном на XXII Конгрессе Американистов в Риме 1926 г.

и по реке Баихе, притоку реки Турухана, и, наконец, еще о тазовских остяках.¹

Г. И. Рамстедт² по частным сообщениям Анучина тоже говорит о вымирании енисейских остяков и определяет их численность в „пару сотен“ и даже еще точнее 160 человек, подсчитанных Анучиным. Повидимому, он смешивает ясачные податные души с наличными.

В. В. Радлов и Л. Я. Штернберг сообщают со слов В. И. Анучина ряд дополнительных цифр более общего характера.³

В 1838 году было е. о. — 1415 душ обоего пола
 „ 1859 „ „ „ 911 „ „ „ (по Кривошапкину)

Дальше приводятся сведения только о Верхне-Инбацком роде.

В 1859 г. было е. о.—551 душ обоего пола (из общего числа в 911 душ)
 „ 1881-2 „ „ „ 420 „ „ „
 „ 1890 „ „ „ 250 „ „ „

О сымском и байшинском (байхинском) родах сказано, что они не существуют и ассимилировались с соседями.

Кастрен указывает численность енисейских остяков около тысячи. Также и по переписи 1897 г. их численность была 988 (533 муж.).

Но вот по данным 1917 г., заимствованным из материалов КИПС и основанным на сообщениях А. Е. Тугаринова, общая численность кетов — енисейских остяков — 1.281

¹ В. Анучин, Предварительный отчет по поездке к енисейским остякам в 1905 г. Известия Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии, № 6. СПб. 1906, стр. 41.

² G. J. Ramsted, Über den Ursprung der sog. Jenissej-Ostjaken. Journal de la Société Finno-Ougrienne, XXIV. Helsingfors, 1907, p. 25.

³ Известия Русского Комитета № 5. СПб., 1905, стр. 11.

(673 муж.). Из них верхне-инбацкого рода — 641 (332 муж.), подкаменно-тунгусского рода — 244 (129 муж.), нижне-инбацкого рода — 366 (194 муж.) и елогуйского рода — 36 (18 муж.).

Баишинские (по р. Баихе) и тазовские енисейские остяки сюда не включены.

Цифры эти во всяком случае не говорят о вымирании. В двух первых родах 461 муж., против 144 ясачных душ, указанных Анучиным.

Между прочим Kai Donner, на основании данных, собранных в 1912 г., тоже опровергает цифры Анучина и указывает численность енисейских остяков около 1100 чел.¹

Далее Кастрен и Анучин, оба называют енисейских остяков рыболовами и собаководами, впрочем, при самом небольшом количестве собак. Правда, Анучин глухо говорит, что раньше они имели оленей.

В. Передольский в своих полубеллетристических очерках, посвященных енисейским осяткам, указывает на существующее у них оленеводство (правда, скорее в виде исключения).

Однако по подробным сообщениям 5 студентов северного рабфака ЛИЖВЯ из племени енисейских остяков, мы лично узнали, что большая половина этого племени являются оленеводами и зиму кочуют с оленями в тайге. Правда, оленей у них немного, 15—20 на семью, но это оленеводство, повидимому, очень древнее. По типу перевозки и езды это оленеводство санное. Сани енисейских остяков приближаются по форме к самоедским. Но в отличие от

---

¹ Kai Donner, Beiträge zur frage nach den Ursprung der Jenissei-Ostjaken, Journal de la Société Finno-Ougrienne, Helsinki, 1920, I, 3.

самоедов енисейские остяки не имеют сторожевых пастушьих собак. На лето енисейские остяки выходят из тайги к Енисею для промысла рыбы и оленей отпускают на волю без всякой охраны, а осенью собирают их в лесу. Волков в округе нет и олени не разбегаются. Из оленных племен только лопари точно так же отпускают оленей на лето без охраны.¹

Часть племени енисейских остяков, живущая к востоку от р. Енисея в районе Подкаменной Тунгусски, оленей не имеет и ездит на собаках, надевая на них характерный пояс с постромками, но без передней шлеи. Эта странная сбруя существует исключительно по Енисею южнее Туруханска и, повидимому, енисейские остяки являются ее изобретателями. Местные русские заимствовали ее от енисейских остяков. К северу от Туруханска существует собачья упряжь самоедского происхождения с шлеей, проходящей через плечи животного.

Таковы наши новейшие сведения о племени кетов — енисейских остяков.

Что же касается коттов, то их, действительно, нужно считать вымершими. Они обитали значительно южнее кетов в Канском округе по р. Агулу или Малому Кану, составляя во время Кастрена Агульский улус и были соединены вместе с камасинцами и частью качинцев в общую управу.

¹ Любопытно, что в сообщениях Тугаринова указано: „Насколько мы знаем в прошлом это были бродячие оленеводы. В настоящее время оленнее хозяйство у них окончательно упало. Редкий хозяин насчитывает 2—3 десятка зверей. У большинства наберется едва лишь несколько штук“.

Также и Тугаринов, согласно с Кастреном, Передольским и Анучиным говорит о крайнем обнищании енисейских остяков. Однако элементы обнищания и вымирания у разных авторов представлены различно.

Русские называли камасинцев (улуса Абалакова) лесными камасинцами. Это были, как установлено Кастреном, самоеды. Коттов из Агульского улуса, так же, как и качинцев улуса Угумакова, русские называли степными камасинцами. Во время Кастрена в Агульском улусе было 76 человек, из них говорили по-коттски только 5 человек (II, 379). Близ города Канска тоже было несколько коттских семейств, но все они говорили по-русски.

Относительно агульских коттов Кастрен выражает надежду, что они, быть может, еще долго будут хранить свой язык.

Относительно камасинцев и коттов мы находим любопытные новые сведения в статье вышеупомянутого А. Е. Тугаринова¹ „Последние Калмажи“. Кастрен называет камасинцев *Kagmäsche*.

По сообщению Тугаринова котты окончательно исчезли. Современное крестьянское население села Агульского представляет удивительную смесь коттов, карагасов, тунгусов, кетских остяков² и русских, но все они говорят по-русски. Две три семьи помнят свое коттское происхождение.

Лесные камасинцы — самоеды, калмажи, настоящие *Kagmäsche* Кастрена, еще помнят отчасти свой язык (9 семей), 7 семей говорят на качинском турецком наречии. Молодое поколение говорит только по-русски и не желает знать туземных языков, ни таежного (самоедско-камасинского), ни степного (турецко-качинского).

¹ Северная Азия, 1926, № 1, стр. 75.

² Кетские остяки это настоящие угро-остяки, живущие по р. Кету, притоку Оби. Впрочем, имя реки Кет, быть может, связано с племенем енисейских кетов.

Вместе с обрусением калмажи утратили оленеводство. Оно было у них верхового типа, близкое к карагасско-сойотскому. И олень был тоже крупный и сильный, саянской породы.

Между прочим по некоторым сведениям и у современных енисейских кетов олень тоже более крупной породы, чем, например, у тунгусов.

Котты повидимому оленеводства не знали. Об них сообщает Кастрен весьма характерное сведение. Котты жили в чумах, покрытых берестой, также в небольших землянках. Они не имели ни лошадей, ни оленей, и охотились зимою на лыжах, а летом пешком.

Это, стало быть, был народ пеших охотников. Такими же пешими охотниками является часть енисейцев-кетов и кузнецкие шорцы.

Пеший охотничий быт является, конечно, древнейшим бытом праазиатских племен. В северной Канаде он до последнего времени являлся господствующим среди индейских племен, еще не усвоивших коневодства в подражание белым соседям.

Нужно еще упомянуть, что кеты, как и котты и все вообще саянские и алтайские племена, являются ревностными собирателями и копателями съедобных корней, сараны, кандыка и пр. Такое копание корней характерно вообще для праазиатов, даже для самых северных, например, для чукоч. Н. Н. Козьмин² характеризует это копание корней, как первобытный земледельческий промысел, но для этнографа это, конечно, типичная собирательная стадия

---

² Н. Козьмин, Хакасы, историко-этнографический и хозяйственный очерк Минусинского края. Иркутск, 1925, стр. 123.

первобытного хозяйства, притом в ее ранней простейшей форме.

По сведениям Тугаринова обруселые потомки камасинцев и коттов еще хорошо помнят об этом собирании корней. Последние лопатки для копания корней вывез в 1914 г. финляндский этнограф Доннер.

Что касается собственно кетского языка, то анализ Кастрена до сих пор остался единственным в своем роде.

В. И. Анучин из сборов своих ничего не опубликовал. На северном рабфаке наша работа с кетскими студентами отнюдь не превзошла работы Кастрена, по крайней мере до сих пор. Свойства языка выявляются, конечно, те же самые. Привожу несколько примеров по записям Н. К. Каргера.

Имена образуют множественное число, изменяя гласный звук в корне.

	Каргер.		Кастрен.	
	Sing.	Plur.	Sing.	Plur.
Дерево	<i>oqs</i>	<i>aq</i>	<i>uks</i>	<i>ák</i>
Река	<i>s'es</i>	<i>sas</i>	<i>ses</i>	<i>sás</i>
Я	<i>at</i>	<i>ət (мы)</i>	<i>ade ad</i>	<i>étñ</i>

Глаголы образуют свои формы при помощи префиксов.

Каргер.	Кастрен.
<i>duodək</i> (он) живет	<i>dagafuot</i> он ожидает
<i>kuodək</i> (ты) живешь	<i>kagafuot</i> ты ожидаешь
<i>ad d'ínus</i> я приехал	
<i>и k'ínus</i> ты приехал	

Формы глагола переходящего изменяются в зависимости от относящихся к нему дополнений, соответственно их одушевленности или неодушевленности, числу и роду.

Каргер.

ad dātun s'el' я вижу оленя   *ad dātun s'el'* я вижу оленя
ad dāetun oqs я вижу дерево   *ad dāntun s'en* я вижу оленей
ad datoleŋ hiñə я видел мужчину
ad ditoleŋ qim я видел женщину
at toleŋ oqs я видел дерево.¹

Мы записали также несколько текстов, из которых один приводится в конце статьи вместе с подстрочным переводом.

В связи с видимой самостоятельностью кетских флексий, Кастрен называет кетский язык похожим на китайский (II, 281). Место это часто цитировалось.

G. J. Ramstedt даже построил гипотезу относительно возможности связи кетского с индо-китайскими языками.²

В сводной таблице он указывает рядом с кетскими корнями тибетские, бирманские, японо-китайские корни.³

Правда, сближения его не особенно убедительны. Однако, они получают особое значение в связи с новейшими, довольно настойчивыми сближениями индо-китайских и тибетских языков с американскими.

¹ Ср. Кастрен, § 81.

² G. J. Ramstedt, *Journal de la Société Finno-Ougrienne*, XXIV. Helsingissä, 1907, стр. 5—3.

³ Kai Donner сближает енисейско-остяцкие корни с тибетскими, индо-китайскими, также корнями языков Hsia-hsia и Si-hia, которые стали нам известны по рукописям, найденным Козловым в городе Карахото (Kai Donner O. C. I, 7).

Так, на XXII съезде Американистов в Риме 1926 г. проф. А. Тромбетти сделал доклад: *Origine asiatica delle lingue americanae*, именно в этом направлении. Там же была возведена работа американского лингвиста Сапира о сопоставлении тибетского языка с языком *Dene* в Северной Америке.

Если бы было возможно сблизить с одной стороны самый западный из праазиатских языков Сибири с индокитайскими и тибетскими языками, и с другой стороны продолжить эту связь до Северной и Южной Америки, то азиатско-американская цепь языков и народов, которая в последнюю четверть века выковывается звено за звеном, получила бы дальнейшее укрепление.

Н. Я. Марр указывает несколько сближений шумерских и хеттских, а стало быть, и яфетических, с енисейско-остяцким-кетским.¹

Шумер. *gēte* — *gēt* „женщина“, „девушка“, „служанка“.

Хет. *gim* „рабыня“ в идеограмме текста по чтению специалистов.

Кет. *kim*, *xim*, *xet* „женщина“, жена.

Кстати и имя народности кетской совпадает с хеттским.

В палеоазиатских изысканиях Кастрена центральное место занимают сближения кетских этнических элементов с южно-самоедскими.

Само по себе уже открытие и научное определение камасинского племени было довольно замечательно. Кастрен,

---

¹ Н. Марр, От шумеров и хеттов к палеоазиатам. ДАН-В 1926. Ноябрь—декабрь, стр. 135.

как указано, нашел камасинцев в ближайшей связи с коттской отраслью кетского народа (степные камасинцы).

Камасинцы и котты были татаризированы (ныне руссифицированы).

Точно так же были татаризированы арины, которых Кастрен еще нашел в Аринском улусе (60 человек), в непосредственном соседстве с качинцами.

Другое племя той же группы, ассаны, исчезли еще до Кастрена.

Такое же соединение элементов самоедских и кетских представляют и койбалы, племя живущее в верховьях Енисея, а также по Абакану и Согде. Кастрен нашел их тоже вполне татаризированными, но он мог определить, что в их составе пять родов имеют самоедское происхождение, а три рода кетское (енисейско-остяцкое). Их численность была по ревизии 1830 г. 1126 человек.

Несколько стариков при Кастрене еще знали по два три слова своего более древнего языка. Возможные сближения койбальских слов с камасинско-самоедскими и коттско-кетскими приведены у Кастрена в словарях койбальского и карагасского наречий.

Сами себя койбалы называют „туфа“. Это племенное и географическое имя в указанной области встречается часто в различных сочетаниях.

С полным основанием Кастрен приходит к заключению, что верхне-енисейские турки — качинцы, сагайцы, койбалы, кизильцы, а также и сойоты с карагасами, по происхождению относятся к самоедам и енисейским остякам. Мысль эту Кастрен повторяет и развивает в различных местах. Я, с своей стороны, считаю ее дающей ключ к разрешению вопроса о западной ветви сибирских праазиатов.

Мысль эта занимала Кастрена в связи с вопросом о так называемой прародине финнов.

Он построил по этому поводу нижеследующий ряд доказательств, несколько не утративших своей убедительности до настоящего времени.

1. Близкое родство самоедов с финнами. Самоеды и самоедский язык являются крайним восточным членом обширной финно-угорской связи.

2. Непосредственное соседство и очевидная связь южных самоедов с праазиатами — кетами, коттами.

3. Непосредственное соседство южных самоедов и кетов с наступавшими с юга турками. Произошедшее отсюда их последующее отуречение.

Конечно, эта цепь доказательств еще не приводит финнов на вершины Алтая, как хотел бы Кастрен. Однако, его соображения о том, что указания китайских летописей на белокурые и светловолосые народы в области Алтая могут относиться к финнам, довольно вероятны. Легче допустить финский элемент на Алтае и Саянах, чем индо-европейский или какой-то другой, совершенно неизвестный.

В своей упомянутой выше работе я попытался развить гипотезу об алтайско-саянском происхождении палеоазиатов, совершенно подобную гипотезе Кастрена, с той разницей, что я пришел к Алтаю не с запада, а с востока. Кеты, енисейские остяки послужили для меня последним западным звеном, как для Кастрена последним восточным.

Вместо устарелой теории мировых потоков, которую, впрочем, и Кастрен определяет, как „так называемую“, я связал свою этнографическую гипотезу с работой академика П. П. Сушкина о западной границе ангарско-китайского материка, как о важнейшей разделительной

черте зоологических, в частности орнитологических пород Евразии. Я старался доказать, что эта разделительная черта имеет не менее важное значение для разделения народов и областей культуры.

В связи с этим я построил вторую половину этой гипотезы, — о древнем расселении народов в северо-восточном направлении вдоль вышеуказанной черты вплоть до Берингова моста и дальше в Америку. Исходным пунктом и для меня, как и для Кастрена, был соединенный алтайско-саянский массив.

И в сущности говоря одна гипотеза только продолжает другую. Соединенные вместе они составляют схему расселения народов по всей ширине круговой европейско-американской северной зоны, в виде двух выгнутых линий, выходящих вместе из того же средне-азиатского угла.

В. Богораз.

ПРИЛОЖЕНИЕ

aškat— сказка

qoq boat doldaq budyŋtə obəl'də qoq boam i buŋnantə
Один старик жил у него была одна старуха и у них

qoq həp obəl'də. bu tol'hə ašeno d'ejaŋol'vət ūškə taŋoŋol'-
один сын был. Он ходил охотиться, убивал, назад носил.

vət. bu tol'hə qotpesd'iŋel' avyškəjaŋovən h'isyd'ınt sālahaŋovən.

Он ходил, наконец заблудился, в лесу заночевал.

dugdyb'ilovət qotə¹ tušəŋ sālahaŋovən. b'is dōtəm bogd'ul'

Выкопал яму, здесь заночевал. Вечером черт из огня

dəbutulət i but butəlog bu d'ejtul. s'i bu oon bu duotyŋ
выскочил и он испугался, он убежал. Ночь он шел. Он видит

tumšə duotyŋ tum tamakś. qovət qajtkol'də. duotyŋ
черное, видит черное что-то. Хорошенько смотрел. Видит

qir-boatyŋ² d'ejbuvəŋ. bu d'ienbəs naŋa. bu dol'et'eŋ buŋnyl'gə.
деды-старики дерутся. Он подошел к ним. Он остановился около них.

qir-boat tovəŋ'g'ij budəŋə «kidə ašel'də qəhtə kanoŋə! ad ūškə
Дед-старик сказал ему „этого зверя шею руби! Я назад

bokōs b'ŋ'g'ek quštəŋ ūškə». bu dol'in bonəs kovənə. kadəŋə bu
понесу в свой дом назад“. Он стоял не рубил. Потом он

¹ *qotə* называется яма, которую выкапывает человек для ночевки.

² *qir-boat* „дед-старик“ — медведь.

dol'in. b'ik qip-boat tovaŋ'gij budəŋə «kanoŋə k'idə ašel'də
 стоял. Другой дед-старик сказал ему „руби этого зверя
qəhtə. at kuŋe qədəksəvət b'inder huŋ». but kovəne tud ašel'də
 шею. Я тебе дам свою дочь“. Он рубил того зверя
qəhtə. buŋ daRojaŋ'ın bu. qip-boat toveŋ'gij budəŋə «kaŋ'gen
 шею. Они убили его. Дед-старик сказал ему садись
ap qəhtəd'iŋə». but konŋijen budə qəhtəd'iŋə i sukel'd'iŋel'
 на мою шею“. Он сел на его шею и за затылок
kajŋəm byt kajdəd'iŋel'. qip-boat oon ūškə b'indede kol'etd'iŋə
 взял крепко за шерсть. Дед-старик шел назад в свой город
oon. dīnb'isın budə kol'etd'iŋə. Bu duotəm qaja kol'et. bu
 шел. Приехали в его город. Он видит большой город. Он
d'nutə qip-boat qəhtəd'iŋel' baŋny. qip-boat šiŋətənək
 слез с деда-старика шею на землю. Дед-старик стал
kedeŋeŋ. tudə kedaś oŋon, əŋə kol'etd'iŋə qəRojaŋ'ın budə
 человеком. С тем человеком пошли, сюда в город зашли в его
iRosd'iŋə. budyŋtə sāləŋovən.
 дом. У него заночевал.

Записал от енисейского остяка Ильи Дибикова (из пригородного Туруханского района) на рабфаке северных и восточных народностей в Детском Селе 15 марта 1927 г.
 Н. К. Каргер.
